

ПЕТР ЛЮКИМСОН

МОИСЕЙ

Петр Люкимсон

Моисей

«Автор»

Люкимсон П. Е.

Моисей / П. Е. Люкимсон — «Автор»,

«Пожалуй, во всей мировой истории трудно найти фигуру более загадочную и величественную, чем пророк Моисей. Даже если основываться на тех сведениях о его личности, которыми располагает каждый более-менее образованный человек, они все равно поражают воображение и невольно заставляют усомниться в их достоверности. Подобно Спартаку, но более, чем на три тысячелетия раньше, Моисей стал вождем гигантского восстания рабов внутри самой мощной, самой развитой державы своего времени. Но если Спартак в итоге так и не сумел вывести свою армию рабов за пределы Римской империи, то Моисей навсегда освободил следовавших за ним людей от рабства. Если Спартак лишь поколебал могущество Рима, то Моисей оставил за спиной полуразрушенную, сломленную страну, мощь которой после этого лишь угасала, пока она сама в итоге не превратилась в придаток других империй...»

© Люкимсон П. Е.

© Автор

Содержание

Предисловие	5
Часть 1. Египет	11
Глава 1. В ожидании Спасителя	11
Глава 2. Спасенный из вод	19
Глава 3. Моисей – царь Куша	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Петр Люкимсон

Моисей

Предисловие

Пожалуй, во всей мировой истории трудно найти фигуру более загадочную и величественную, чем пророк Моисей. Даже если основываться на тех сведениях о его личности, которыми располагает каждый более-менее образованный человек, они все равно поражают воображение и невольно заставляют усомниться в их достоверности.

Подобно Спартаку, но более, чем на три тысячелетия раньше, Моисей стал вождем гигантского восстания рабов внутри самой мощной, самой развитой державы своего времени. Но если Спартак в итоге так и не сумел вывести свою армию рабов за пределы Римской империи, то Моисей навсегда освободил следовавших за ним людей от рабства. Если Спартак лишь поколебал могущество Рима, то Моисей оставил за спиной полуразрушенную, сломленную страну, мощь которой после этого лишь угасала, пока она сама в итоге не превратилась в придаток других империй.

Подобно Атилле, но опять-таки на тысячелетия прежде него, Моисей вместе со своей огромной армией появился на берегах Иордана, предъявил права на земли живущих там народов, одержал ряд блестящих побед и заложил основу для того, чтобы превратить эти земли в страну своего народа.

Подобно Будде и Мухаммеду – но опять-таки за тысячелетия до них! – он стал основоположником новой мировой религии. Однако, в отличие от буддизма и ислама, эта религия была абсолютно оригинальной, она не базировалась ни на одном из известных учений прошлого, она вырастала из самой себя, родившись воистину из ничего.¹ Наоборот, созданная Моисеем религия послужила основой для возникновения двух мировых религий – христианства и ислама.

Подобно Гомеру Моисей считается автором одной из величайших книг человечества, но если вновь посмотреть с точки зрения исторической перспективы, то и Гомер по-сравнению с Моисеем выглядит как безусый юнец рядом с седобородым старцем.

При этом следует учесть, что Моисей в итоге сделал куда больше, чем все вышеперечисленные исторические или легендарные деятели. Он, по сути, создал целый народ, определил путь этого народа в истории и тем самым определил историю человечества.

Правда, все вышесказанное следует принимать с одной поправкой, на которой, думаю, настаивал бы сам Моисей: все его деяния стали возможны лишь потому, что он выполнял волю Бога, действовал с помощью Бога и шел только по путям Бога.

Они вообще всегда рядом – Моисей и Бог, Бог и Моисей. Они неразрывно связаны друг с другом в сознании человечества, хотя опять-таки сам Моисей наверняка бы пришел в ярость, если бы кто-либо посмел бы высказать мысль о сопоставимости их фигур, попытке приравнять его, обычного человека из плоти и крови к Создателю Всего Сущего.

Парадокс личности Моисея заключается еще и в том, что она не подчиняется законам исторической перспективы. С течением времени значимость его фигуры не только не уменьшается, но и, как порой кажется, даже наоборот, возрастает.

Книга, автором которой он считается, в отличие от «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, по-прежнему лежит на рабочем столе или прикроватной тумбочке даже не у миллионов, а у десят-

¹ Существует известная точка зрения о том, что Моисей был последователем фараона Эхнатона, но, как будет показано на страницах этой книги, монотеизм Моисея представлял собой гигантский шаг вперед по-сравнению с протомонотеизмом Эхнатона.

ков миллионов людей во всем мире. Завещанные Моисеем нравственные максимы и духовные идеи то и дело слетают с наших губ, продолжая оставаться основой человеческой морали и движущей силой идущей в разных точках планеты политической и общественной борьбы.

Созданный им народ не только сумел пережить все народы древности, некогда бывшие его современниками, но и по-прежнему играет активную роль на арене мировой истории, вызывая по отношению к себе самые противоречивые чувства. Этот народ продолжает бережно хранить его духовное наследие, читает в оригинале его книгу, ежедневно повторяет написанные им псалмы, молитвы и песни. Этот народ, или точнее, та его часть, которая сохранила верность наследию предков, во всех подробностях знает его биографию – точные даты рождения и смерти, все перипетии его судьбы, всю историю его взаимоотношений с современниками.

Однако другой парадокс личности Моисея заключается в том, что до нас не дошло ни одного другого современного ему письменного источника, в котором хотя бы упоминалось его имя, кроме Торы – все того же «Пятикнижия Моисеева», первых пяти книг Библии, автором которых он традиционно считается. У нас нет ни одного материального артефакта, подтверждающего реальность его существования. Мы даже не знаем, где располагается его могила и существует ли она вообще.

Таким образом, все наши сведения о Моисее основываются, прежде всего, на одной книге, историчность которой, по мнению многих исследователей, весьма сомнительна, да на мидрашах – еврейских устных преданиях и толкованиях Пятикнижия, которые по понятным причинам с точки зрения науки выглядят еще сомнительнее, если не сказать большего.

Все это привело к тому, что в религиоведении и в исторической науке на протяжении столетий сложилось несколько точек зрения на реальность существования личности Моисея, у каждой из которой есть свои последователи.

Советское официальное религиоведение на протяжении десятилетий своего существования твердо придерживалось мысли о том, что фигура Моисея была изначально вымышленной; сам его образ – не более, чем продукт народного творчества, такой же, как, скажем герои русских народных сказок Иван-царевич, Кощей Бессмертный или Марья Моревна. Утверждая, что нет никаких исторических доказательств факта исхода евреев из Египта, их блуждания по пустыне, да и войны, которую они вели за Ханаан, советские ученые видели в самом Пятикнижии не более, чем сборник произведений еврейского фольклора, записанный еврейскими жрецами. Параллельно с рассказыванием еврейских народных сказок эти жрецы предприняли попытку кодификации ряда законов, призванных утвердить в народном сознании мысль о древности и незыблемости того общественного строя, который сложился на территории древнего еврейского государства к началу 7 в. до н. э.

«Миф об исходе евреев из Египта, играющий столь большую роль и в древнееврейском богословии, и в пророческих проповедях, и в мессианских чаяниях, и в современной пропаганде религиозно-националистических идей иудаизма... противоречит исторической действительности, несовместим с ней»², – писал убежденный сторонник такой точки зрения А.Б. Ранович. И затем, после нескольких пассажей, подводил читателя к своему заключительному, однозначному выводу:

«Таким образом, биография Моисея состоит сплошь из сказочных чудес; организованный им исход из Египта оказывается фикцией, а законодательство «на Синае» – позднейшей кодификацией норм обычного, религиозного и уголовного права раной древности, для которой имелись готовые юридические образцы и где личность «законодателя» ни в какой степени не отражается.

Что же остается от личности Моисея? Ровно ничего. Он остается лишь мифическим родоначальником легендарного «колена» жрецов-левитов, освящавших его авторитетом свои

² А.Б. Ранович. Миф об исходе и Моисее. – В кн. «Критика иудейской религии», М., Из-во АН СССР, 1962, с. 210.

привилегии; он – герой того же типа, что и мифический учредитель элевсинских мистерий Евмолп или первопредок жрецов Афродиты на о. Пафосе Кинир...»³

Однако проблема заключалась в том, что меньше всего образ Моисея, встающий со страниц Библии, подходил под определение лубочного, сказочного героя и уж тем более вождя из народного эпоса.

Мифический вождь, ведущий свой народ от победы к победе, по определению не может страдать косноязычием – а Моисей был либо косноязычен, либо заикой, о чем прямо говорится в Библии. Мифический вождь не может отказываться от поручаемой ему Свыше миссии, а Моисей поначалу делает все, чтобы от нее отвернуться. Власть мифического вождя неоспорима, подчинение ему народа и вера в него – абсолютны; ведь без этого попросту не может быть легенды! А авторитет Моисея то и дело подвергают сомнению, ему постоянно предъявляют какие-то претензии – то самая распоследняя чернь, то находящиеся с ним в родстве представители еврейской аристократии, а то вообще родные брат и сестра! Да и сам он то гневается, то сомневается, то впадает в отчаяние...

В результате образ этот оказывается слишком живым, слишком противоречивым, слишком реальным, чтобы быть придуманным. Вдобавок ко всему все новые и новые археологические и исторические открытия подтверждали, что исход евреев из Египта на каком-то этапе истории этой страны и в самом деле имел место. Постепенно становился все более ясным и тот маршрут, по которому двигались ведомые Моисеем израильтяне в пустыне; были найдены останки завоеванных ими ханаанских городов. Да и географы, ботаники, зоологи и представители других наук шаг за шагом подтверждали точность описания Библией особенностей жизни в Синайской пустыне.

Все это невольно наводило серьезных исследователей на мысль об историчности, реальности фигуры Моисея. Правда, и сторонники этой точки зрения разделились на две научные школы.

Представители первой, признавая, что в основу рассказа об исходе положены действительно имевшие место события, все же настаивают на том, что у Моисея, возможно, был некий реальный прототип, но не более того. На самом деле, по их мнению, речь идет о некоем собирательном образе, вобравшем в себя черты сразу нескольких еврейских вождов, живших и действовавших в разное время. Ну и, разумеется, вдобавок ко всему народная фантазия, а вслед за ней и те, кто составлял книги Пятикнижия спустя несколько столетий после Исхода, украсили этот образ, приписав ему множество чудес и деяний, которых он не совершал.

Однако существует и другая научная школа, adeпты которой убеждены в том, что Моисей является абсолютно реальной исторической фигурой, вождем еврейского народа, жившим в ту самую эпоху, которая описывается в Пятикнижии. Они не отрицают, что часть страниц Пятикнижия, возможно, содержит в себе элементы народной фантазии и гиперболы, но в целом все, что описано в ней, соответствует исторической правде.

При этом данный базисный вывод этой школы основывается, как говорят ее adeпты, на самой исторической логике. Вот как обосновывал эту мысль русский философ А. Волин:

«Как могло произойти, что в языческом, политеистическом мире появился народ с совершенно другой, резко отличной религией? Традиционный ответ гласит: Израиль – это тот народ, которого избрал Бог, чтобы он был или стал Его народом. Я бы сказал иначе: Израиль – это тот народ, который избрал Бога как основу и смысл своего существования как народа и существования каждого его члена как индивида. В этом выборе сыграли свою роль и географические, и исторические, и климатические, и биолого-генетические условия. Но все это не могло иметь решающего значения. Условия эти не слишком отличались от тех условий, в которых находились другие народы этого района, у каждого из которых был свой племенной бог. Да и по своей

³ А.Б. Ранович. Миф об исходе и Моисее. – В кн. «Критика иудейской религии», М., Из-во АН СССР, 1962, с. 216–217.

психологии и складу ума израильтяне библейских времен в массе, наверно, ничем или почти ничем не отличались от соседних и родственных им моавитян, аммонитян, аморитян и даже филистимлян.

Остается лишь одно объяснение: появление религиозного гения с новым представлением о божестве, создавшего новое религиозное учение и внушившего (или пытавшегося внушить) его своему народу...»⁴

Эту же мысль – но в куда более расширенном виде – проводит и Пол Джонсон в своей «Популярной истории евреев».

«Этому выдающемуся событию (исходу из Египта – П.Л.) соответствовала и выдающаяся личность, возглавившая восстание израильтян, – пишет Джонсон. – Моисей был ключевой фигурой в еврейской истории, осью, вокруг которой все вращалось. Если Авраам был праотцем нации, то Моисей был созидательной силой, формировавшей ее; именно под его руководством и благодаря ему они окончательно выделились в качестве народа, у которого имеется будущее. Моисей, подобно Иосифу, был образцом еврея, но совершенно другого типа и намного более грандиозной фигурой. Он пророк и вождь, человек решительного действия и необычной внешности; способный на страшный гнев и безжалостную решимость; но кроме того, он человек в высшей степени духовный, склонный к общению с Богом где-нибудь на природе, а также видениям, прозрениям и озарениям. Однако меньше всего его можно было бы назвать отшельником-анахоретом; скорее, он олицетворял собой активную духовную силу, ненавидел несправедливость, горячо стремился осуществить свою утопию. Это был не только посредник между Богом и людьми, но и человек, старавшийся обратить свой высший идеализм в практические государственные труды, а благородные идеи – в повседневные дела...

Он брал обычные идеи, которые бездумно принимались на веру бесчисленными поколениями, и превращал их в нечто новое, что последовательно и радикально преобразовало мир так, что возврата к старому уже не было. Он подтверждает факт, который всегда признавали великие историки и который сводился к следующему: человечество совсем необязательно движется вперед маленькими шажками; иногда оно делает огромный прыжок, побуждаемое энергией отдельной, но выдающейся личности. Вот почему утверждение Вельгаузена и его школы⁵, что Моисей есть продукт позднейшего творчества, а свод его заповедей – изобретение великих жрецов после Изгнания во второй половине первого тысячелетия до н. э. (точка зрения, которой придерживаются некоторые историки) есть не что иное, как скептицизм, доведенный до фанатизма и насилия над летописью человечества. Выдумать Моисея – задача непосильная для человеческого ума; мощь его личности буквально насыщает страницы библейского повествования...»⁶

Но, пожалуй, самое парадоксальное заключается в том, что даже если бы Моисей и в самом деле никогда бы не существовал, о нем все равно были бы написаны сотни и сотни книг – религиозных и философских сочинений, исторических исследований, романов, пьес, поэм. Потому что уже неважно, жил он на самом деле или нет – сама его фигура превратилась в архетип подлинно великого пророка и вождя, истинного духовного, политического и военного лидера нации, на ошибках и достижениях которого стоит поучиться каждому новому поколению лидеров любого народа. И, одновременно, всем народам стоит время от времени применять к своим лидерам «критерии Моисея», чтобы понять, насколько те соответствуют своей роли.

⁴ А. Волин. Формирование нации. – В кн. «Евреи и еврейство. Сборник историко-философских эссе. Изд-во «Гешер Алия», Иерусалим, 1991, с. 11–12.

⁵ Теория «библейской критики» Велльгаузена и его последователей разбирается в последней главе этой книги.

⁶ Пол Джонсон. Популярная история евреев. Вече, М., 2000, с. 35–36.

* * *

Эта книга о Моисее представляет собой первую попытку воссоздать историю его жизни не на основе какой-то одной теории или гипотезы, а сведя воедино самые разные версии, взгляды, воззрения на биографию Моисея и события Исхода, которые были выдвинуты как богословами, так и учеными на протяжении последних столетий.

Разумеется, в числе тех источников, которые использовал автор, в первую очередь значатся еврейские – ведь именно они, в конце концов, и являются основой всех наших знаний о жизни Моисея, а все последующие труды ставят своей целью либо подтвердить, либо опровергнуть их подлинность. При этом автору было крайне важно использовать не только относительно известный широкому читателю текст Торы, то есть Пятикнижия Моисеева, но и Талмуд⁷, мидраши⁸ и другие уже куда менее знакомые широкому русскому читателю древнееврейские тексты, содержащие в себе те или иные, подчас кажущиеся абсолютно реальными, а подчас и откровенно фантастические подробности жизни величайшего из пророков древности.

В немалой степени он опирался также и на текст «Иудейских древностей» Иосифа Флавия – ведь принадлежа к касте священников-коэнов, потомков брата Моисея первосвященника Аарона, Флавий в этом своем сочинении щедро делится преданиями, которые на протяжении более, чем тысячелетия передавались из уст в уста исключительно внутри этого сословия еврейского общества.

Наконец, в корпусе используемых автором еврейских источников значатся и многочисленные комментарии на Пятикнижие, составленные в разные эпохи различными выдающимися еврейскими теологами и философами.

Немалую помощь в написании этой книги автору оказали и работы христианских богословов, прежде всего, разумеется, о. Александра Меня, но также и проф. С.С. Глаголева, иерея Н. Кима и др.

Представляемая во всех вышеназванных источниках, условно называемая религиозная версия биографии Моисея на протяжении всей книги «сталкивается лбом» с попыткой опять-таки условно называемого «научного взгляда» на эту биографию, изложенную в работах самых различных авторов. Читатель найдет в ней ссылки и на широко известные научно-популярные книги З. Косидовского и В. Келлера; на явно продиктованные занимаемой ими идеологической позицией работы известных советских религиоведов 20-80-х годов XX века; а также на авторитетных религиоведов Запада и США. В книге приводятся и теории, относящиеся большинством научных авторитетов к категории спорных – например, теория И. Великовского о том, что события исхода евреев из Египта разворачивались на фоне столкновения Земли с кометой, повлекшей за собой определенные природные явления по всей планете.

Единственной теорией, которая была проигнорирована автором данной книги – это совершенно спекулятивная, на его взгляд, так называемая «уфологическая теория», утверждающей, что гора Синай была местом посадки корабля представителей высокоразвитой цивилизации, которые и сообщили Моисею Десять заповедей, а затем всячески опекали странствующих по пустыне евреев.

При этом автор сознательно не отдает предпочтения ни одной из излагаемых им версий – само столкновение разных гипотез и научных подходов позволяет выявить слабые и сильные

⁷ Талмуд – одна из основополагающих книг иудаизма, представляющая, согласно традиции, изложение Устной Торы, то есть той ее части, которая была передана Моисею устно, и долгое время передавалась именно из уст в уста, пока не возникла опасность, что эта информация будет забыта. Содержит в себе также обсуждение этой Устной Торы еврейскими мудрецами, а также различные предания и нравоучения.

⁸ Мидраш – обсуждение мудрецами эпохи Талмуда текста Торы для вывода закона, исторического или нравоучительного вывода. Этим термином обозначаются также некоторые книги 1-9 вв. н. э., содержащие толкования Торы и устные предания.

стороны каждого из них, а дальше пусть уже сам читатель решает, какая точка зрения ему больше подходит.

* * *

Следует также отметить, что при написании названий книг Пятикнижия, употреблении различных имен, топонимов и т. д. автор старался придерживаться не их оригинального звучания на иврите, то есть еврейском языке, а сложившейся в русском языке традиции написания и употребления библейских имен и понятий – за исключением случаев, когда написание того или иного слова в его оригинальном звучании казалось ему более оправданным...

В то же время, учитывая тот факт, что даже в самых точных христианских переводах Ветхого Завета имеется немало ошибок (причем, как предстоит еще убедиться читателю этой книги, ошибок порой нелепых, но оставивших при этом огромный след в человеческом сознании и культуре), автор этой книги приводит все цитаты из «Пятикнижия» по кажущемуся ему наиболее близким к оригиналу переводу П.Гиля, изданному в 1997 г. издательством «Гешарим». Соответственно, при цитировании сохраняется и сохраненное переводчиком принятое в иврите звучание имен, топонимов и понятий.

Некоторые трудности для читателя, возможно, представит то, что в книге часто дается двойная датировка событий – по еврейскому календарю⁹ и с указанием соответствующей ему даты по григорианскому календарю.

Названия книг Пятикнижия также даются в рамках сложившейся на русском языке традиции: «Бытие» (Бт.; на иврите «Берейшит» – «В начале»), «Исход» (Исх.; на иврите «Шмот» – «Имена»), «Левит» (Лев.; на иврите «Ваикра» – «И воззвал»), «Числа» (Числ; на иврите «Бемидбар» – «В пустыне»); «Второзаконие» (Втор.; на иврите «Дварим» – «Слова»).

⁹ Еврейский календарь – лунно-солнечный календарь, состоящий из 12 месяцев, название которых происходит из арамейского языка. Сам отсчет года ведется по Солнцу, а отсчет месяцев по Луне. Для приведения календаря в соответствие с солнечным годом раз в несколько лет вводится високосный месяц. Еврейский календарный год начинается осенью – в месяц Тишрей. Отсчет годов ведется от «сотворения мира», высчитанного на основе приведенных в Пятикнижии продолжительности жизни Адама, Каина и др. персонажей этой книги. 1 г. н. э. по еврейскому календарю соответствует 3760 г. от сотворения мира.

Часть 1. Египет

Глава 1. В ожидании Спасителя

Согласно «Книге Исхода», второй книге «Пятикнижия Моисеева», история египетского рабства берет свой отсчет в 2238 году от сотворения мира по еврейскому летосчислению, то есть в 1523 году до н. э. по григорианскому календарю.

Именно в тот год праотец еврейского народа Иаков вместе с 67 своими домочадцами пришел из Ханаана в Египет, где его с нетерпением ждал сын Иосиф, волею судьбы ставший наместником фараона – вторым лицом в самом могущественном государстве древнего мира. Сам фараон пожелал встретиться с родственниками своего премьер-министра, и когда те предстали перед ним, повелел поселить их «в лучшем месте земли Египетской».

Так евреи оказались в располагавшейся в дельте Нила области Гесем (Гошем). Потомство Иакова быстро освоило обильные пастбища этой египетской провинции и, построив дома, перешло от привычного еврейским пастухам кочевого к оседлому образу жизни. Сытое, благополучное существование на протяжении нескольких поколений обусловила необычайно высокие темпы рождаемости еврейских семьях, и вскоре они стали составлять весьма заметную часть населения Гесема.

«И умер Иосиф, и его братья, и все то поколение. А сыны Израиля плодились и размножались, и стали очень многочисленны и сильны, и наполнилась ими страна» (Исх., 1:6-7), – так сообщает «Пятикнижие» об этом периоде безоблачного существования еврейского народа в земле Египта.

Но уже в следующем предложении тональность повествования резко меняется:

«И восстал новый царь над Египтом, который не знал Иосифа. И сказал он народу своему: «Вот народ сынов Израиля многочисленнее и сильнее нас. Давайте перехитрим его, а не то умножится он, и случись война, присоединится и он к неприятелям нашим, и будет воевать против нас, и уйдет нас из страны». (Исх. 1:8-10).

Мидраши утверждают, что дело было не столько в том, что евреев в Египте стало слишком много, сколько в той огромной роли, которую они начали играть в жизни страны. С одной стороны, они держались обособленно от египтян, продолжая носить свою национальную одежду и упорно отказываясь в подражание египтянам брить бороды и волосы. С другой стороны, они занимали различные важные посты в государстве, были писцами, врачами, музыкантами, живописцами, так что у рядового египетского обывателя невольно возникало ощущение, что евреи заполнили собой страну.

И все же решающим событием, заставившим фараона резко изменить свою политику по отношению к пришельцам из Ханаана, стала, согласно еврейским сказаниям, очередная война с египтян с то и дело совершавшими набеги на эту страну различными азиатскими племенами. Обычно в случае войны, будучи верными гражданами страны, евреи выставляли в египетскую армию свои отряды. Однако египтяне предпочитали держать их в тылу, видимо, считая, что еврейские войска (за исключением отрядов колена Ефремова, о которых будет сказано особо) не слишком боеспособны. Но на этот раз против Египта выступила объединенная армия сразу нескольких азиатских народов; врагов было так много, что египтяне были обращены в бегство. Уже считавшие себя победителями захватчики бросились в погоню и... оказались лицом к лицу с еврейскими ополченцами, не поддавшимися панике и сохранившими боевой порядок. Вступив в жестокий бой с охваченными азартом преследования азиатами, евреи очень скоро переломили ход сражения в свою пользу, обратили врагов в бегство и преследовали их затем до самой границы Египта.

Египтяне, разумеется, не могли не радоваться такому исходу битвы. Но к радости победы у них невольно примешивался страх – евреи оказались куда более сильным и мужественным народом, чем они думали. Да, в этот раз они были союзниками, но кто знает, как повернется дело завтра, и не захотят ли евреи получить землю Гесем в свое вечное владение? Именно этим, поясняет все тот же мидраш, и объясняются слова фараона: «Вот народ сынов Израиля многочисленнее и сильнее нас. Давайте перехитрим его, а не то умножится он, и случись война, присоединится и он к неприятелям нашим, и будет воевать против нас, и уйдет нас из страны».

Словом, неожиданная воинская доблесть евреев привела фараона к осознанию, что они представляют собой нешуточную внутреннюю угрозу для его государства. И ликвидировать эту угрозу, с его точки зрения, можно было только одним способом: поставив этих зарвавшихся пришельцев на колени, превратив их в покорных рабов, которые в итоге либо сольются с коренным населением страны, либо попросту вымрут от непосильного труда. Вместе с тем, будучи трезвым и умным политиком, фараон прекрасно понимал, что в одночасье превратить десятки тысяч свободных граждан страны в рабов он не может – это привело бы к немедленному их восстанию, чреватому самыми непредсказуемыми последствиями. Нет, ему нужно было именно перехитрить, или, если переводить слова Библии буквально, «перемудрить» евреев; выработать некий хитроумный план, так, чтобы те и сами не заметили, как из свободных, способных защитить себя людей превратились бы в бесправных и безоружных рабов.

И, разработав такой план, фараон начал приводить его в действие. Объявив, что он ценит преданность своих подданных-евреев, фараон издал указ о строительстве в земле Гесем городов Питом и Раамсес, в которых должны были разместиться склады для хранения стратегических запасов страны. Потомков Иакова пригласили принять участие в этой грандиозной всеегипетской «стройке века» за весьма приличную ежедневную плату. Причем начало строительства было назначено на субботу – день, который, согласно все тем же устным преданиям, у евреев уже тогда считался священным и запретным для любой работы.

Сообщение об этом застало тогдашних лидеров еврейской общины врасплох. Они оказались перед нелегким выбором того, что для них важнее: остаться верными заветам своих предков или проявить уважение к указу фараона и вывести народ на работы – тем более, что владыка Египта, вдобавок, заявил, что он лично примет участие в столь важном строительстве. В конце концов, главы всех еврейских колен, за исключением колен Леви и Ефрема, решили, что во имя демонстрации своих верноподданнических чувств можно поступиться обычаем, и евреи вышли на работу. При этом левиты мотивировали свой отказ нежеланием нарушать заветы предков, а колена Ефрема, ведущее свое происхождение от старшего сына Иосифа, со времен своего родоначальника посвящало себя воинской службе. Большинство мужчин этого колена входило в кадровые части египетской армии, занимало в ней различные командные посты, и на них этот указ не распространялся.

Вот так и состоялся первый в истории человечества субботник, в котором наряду со всеми принял участие и сам фараон, живое воплощение бога Амона, перетаскивавший вместе со своими подданными бревна и камни. Специально назначенные им писцы аккуратно записали всех вышедших на работы евреев в расчетные книги, и вечером им была выдана оговоренная плата.

Установленный порядок сохранялся в течение нескольких месяцев: каждое утро евреи исправно выходили на работу и каждый вечер они столь же исправно получали положенную им плату. При этом день ото дня в земле Гесем становилось все больше египетских солдат, плотным кольцом окружавших еврейские деревни, а за ходом работ начали следить египетские надсмотрщики, регулярно повышавшие дневную норму выработки и строго требовавшие ее выполнения.

Наконец, настал день, когда еврейским рабочим объявили, что в связи с возникшими в стране финансовыми трудностями фараон временно не сможет платить им зарплату, но при

этом они и их семьи будут получать продовольственные пайки, так что у них нет никаких оснований прекращать стройку. Евреи попробовали было возмутиться этим новым порядком, и отказались выходить на работу, но не тут-то было. У египетских писцов были на руках списки всего трудоспособного населения еврейских деревень, и в соответствии с этими списками египетские солдаты по утрам обходили еврейские дома, выволакивали из них мужчин и бичами гнали на стройку.

Таким образом, замысел фараона удался: когда евреи поняли, что происходит, они уже были просто не в состоянии оказать египтянам сколько-нибудь организованное сопротивление, и им не оставалось ничего другого как смириться со своей участью государственных рабов. Единственными, кому удалось избежать этой горькой судьбы, оказались, как уже было сказано, представители колена Леви и значительная часть членов колена Ефрема. Так как они в самом начале не выходили на строительные работы, то и не попали в «трудовые списки» и таким образом, по меньшей мере, формально, сохранили свободу. На левитов и ефремлян, безусловно, распространялись все остальные указы фараона, касавшиеся евреев, но при этом они были освобождены от трудовой повинности¹⁰.

И все же своей главной цели – резко сократить темпы роста еврейского населения страны – фараону добиться не удалось. Несмотря на то, что теперь еврейским рабам приходилось от зари до позднего вечера заниматься тяжелейшим, изнурительным трудом, после которого они вроде бы должны были валиться с ног от усталости, евреи продолжали плодиться и размножаться, и не было в земле Гесем дома, возле которого бы не резвилась стайка еврейских ребятишек. Все тот же мидраш говорит, что, в основном, это была заслуга еврейских женщин: в небольшие перерывы на обед они являлись к своим мужьям, стараясь выглядеть как можно более привлекательными. Как следствие, эти перерывы в страстные любовные свидания, так что, не успев разрешиться от одной беременности, еврейки вскоре беременели снова. Все это не могло не подтолкнуть фараона на поиски новых, куда более радикальных мер, призванных сократить рождаемость среди евреев:

«Поставили над Израилем начальников повинностей, чтобы сокрушить их дух тяжелой работой. И строили они города Питом и Раамсес как города запасов для фараона. И чем больше подавляли их, тем больше они размножались и распространялись. И опасались египтяне сынов Израиля.

Стали египтяне заставлять сынов Израиля выполнять работу, которая сломит их тела. Сделали горькой их жизнь тяжким трудом с глиной и кирпичами и всякими полевыми работами. И вся работа, которую они заставляли их делать, была, чтобы их сломить.

И говорил царь Египта главным еврейским повитухам, имена которых были Шифра и Пуа. И сказал им: «Когда будете принимать роды у евреек, следите у родильного ложа. Если мальчик – убейте его, а если девочка – пусть живет».

Но боялись Бога повитухи и не делали так, как приказывал им египетский царь, оставляя жизнь новорожденным мальчикам. Царь Египта позвал повитух и сказал им: «Почему вы так делали и давали жить новорожденным?!»

¹⁰ Некоторые историки Египта утверждают, что на самом деле речь шла не о порабощении евреев, а исключительно о лишении их особых привилегий и, наоборот, уравнивании в статусе с остальным трудовым населением Египта. Рабы в Египте назывались «баку» и эксплуатировались исключительно в хозяйстве отдельных лиц. Все же трудовое население называлось «хемуу», оно было внесено в специальные реестры и каждой группе «хемуу» поручалось выполнять определенный род работ, который закреплялся за ними с юности до конца жизни. Евреи долгое время не значились в этих реестрах, и это вызывало возмущение остальной части населения. Таким образом, речь идет о том, что евреев превратили из совершенно свободных людей в «хемуу», закрепив за ними работу на стройках с выплатой им жалованья натурой. Однако сами евреи, безусловно, восприняли это ограничение их свободы как порабощение, и в определенном смысле слова были правы. – См. И.В. Виноградов (Ленинград). Лекция 6. Среднее царство в Египте и нашествие гиксосов. – В кн. «История Древнего мира. Ранняя древность». М., Из-во «Наука», Гл. редакция восточной литературы, 1983 г., с. 116–117.

И ответили повитухи фараону: «Не похожи еврейские женщины на египтянок – ведь они, как животные, знают, как рожать. И рожают они прежде, чем придет к ним повитуха.

И был добрым Бог к повитухам, и усиливался народ и очень умножился. А за то, что боялись Бога повитухи, Он создал им великие семьи...» (Исх., 1:11-22).

Еврейские источники расходятся в том, кем были те самые повитухи, которым фараон дал указание убивать всех новорожденных еврейских мальчиков – египтянками или еврейками. Большинство еврейских комментаторов Священного Писания считают, что они были еврейками. Более того: опираясь на все то же устное предание, они утверждают, что за их именами Шифра и Пуа скрываются Йохевед и Мариам – мать и сестра Моисея. Однако Иосиф Флавий, а вслед за ним известный комментатор Библии Мальбим настаивают на том, что эти повитухи были египтянками, не пожелавшими убивать еврейских младенцев не из каких-то национальных соображений, а действуя так по велению совести. Во всяком случае, трудно предположить, что фараон дал бы такое поручение еврейкам, да и вряд ли сами еврейки позволили бы себе сравнить своих соплеменниц с животными. А вот в устах египтянок, пусть даже и милосердных, такое сравнение, учитывая пренебрежительное отношение египтян к евреям, выглядит вполне уместным. И тогда становится понятным, почему, если переводить текст Пятикнижия буквально, в нем говорится, что «Бог создал им дома» (а не «великие семьи») – в благодарность за их доброе отношение к ним евреи построили этим повитухам великолепные дома.

Но вот сам указ фараона, повелевающий уничтожать именно еврейских младенцев и оставлять в живых девочек, выглядит вполне логичным.¹¹ Ведь мальчики – это потенциальные будущие воины, которые могут однажды поднять восстание, в то время как девочек вполне можно использовать в качестве наложниц в египетских семьях, и тогда родившиеся у них дети уже вряд ли будут помнить о своем происхождении.

Те же еврейские источники опять-таки дают и точную датировку этих событий. По их мнению, фараон непомерно усилил гнет евреев и сделал «горькой их жизнь» в 2361 году от сотворения мира (в 1400 году до н. э.) – в тот самый год, когда у лидера колена Леви Амрама и его жены Йохевед¹² родилась дочь Мирьям. Само имя девочке было дано от слова «мар» – «горькая». Указ же об уничтожении всех еврейских младенцев мужского пола фараон издал по совету своего министра, пророка Валаама в 2365 году от сотворения мира (1395 г. до н. э.). В этом же году у Амрама и Йохевед родился сын, которого называли Аароном – «последним», так как всех родившихся после него мальчиков уже следовало убивать.

Мидраш утверждает, что сразу после этого указа фараона Амрам отдалился от жены и даже официально развелся с ней, заявив, что не желает способствовать детоубийству. И хотя, напомним, повитухи Шифра и Пуа и не думали выполнять указ властелина Египта, авторитет Амрама был так велик, что многие еврейские мужья последовали его примеру, и рождаемость у евреев действительно стала падать. И тогда шестилетняя Марьям бросила в лицо отцу страшное обвинение.

– Ты даже хуже фараона! – сказала она ему. – Ведь фараон приказал истреблять только мальчиков, ты же решил сделать это со всем народом!

Потрясенный словами дочери, Амрам поспешил вернуться к жене, снова сочетался с ней браком и вскоре после этого Йохевед забеременела. В те дни на Мирьям впервые снизошел пророческий дух, и, бегая по улицам, девочка спешила сообщить каждому прохожему, что скоро мама родит ей брата, который спасет евреев от рабства и выведет их из Египта.

¹¹ Именно так будут вести себя и евреи при завоевании Ханаана – см. заключительные главы этой книги.

¹² Из текста Пятикнижия следует, что Йохевед приходилась Амраму родной теткой. Такие браки объявляются Библией запрещенными, однако Талмуд разъясняет, что до Синайского откровения они считались разрешенными и были довольно распространены среди всех народов, включая евреев.

На дворе стояла ранняя осень 2368 года (1392 г. до н. э.)¹³ и до рождения величайшего пророка всех времен и народов оставалось ровно шесть месяцев.

* * *

Разумеется, у критически мыслящего читателя не может не возникнуть вопроса о том, насколько рассказ Пятикнижия о пребывании евреев в рабстве у египтян соответствует исторической реальности, да и соответствует ли он ей вообще? Было ли нечто подобное на самом деле, или мы имеем дело лишь с хорошо придуманной и расцвеченной фантастическими деталями народной легендой?

Правда, согласитесь, трудно представить себе народ, который в основу собственного фольклора положил бы историю о том, как его превратили в стадо бесправных и беззащитных рабов. Как правило, все народные эпосы предпочитают рисовать наиболее ранний этап своей национальной истории исключительно в героических красках, и уже это отличие текста Пятикнижия от подобных эпосов невольно наводит на мысль, что в основе рассказа о порабощении евреев лежат вполне реальные события. В своем трактате «О древности еврейского народа. Против Апиона» Иосиф Флавий, ссылаясь на египетского историка Манефона (4-3 вв. до н. э.), напрямую связывает приход евреев в Египет с эпохой гиксосов – захватчиков, ворвавшихся в Египет в 17 в. до н. э. и основавших 17-ую династию фараонов.

«Так вот, – пишет Флавий, – тот самый Манефон во второй книге истории Египта пишет о нас следующее (я передаю его собственные слова, как бы предоставляя ему самому выступать свидетелем). «Был у нас царь по имени Тимаос. В его царствие бог, неведомо почему, прогневался и неожиданно из восточных стран люди происхождения бесславного, дерзкие, напали на страну и без сражений легко овладели ею. И властителей ее покорив, они безжалостно предали города огню и святилища богов разрушили. А с жителями поступали бесчеловечно жестоко – одних убивали, а детей и жен других уводили в рабство. наконец, и царем сделали одного из своих, имя его Силатис... Все их племя называлось «гиксос», то есть «цари-пастухи», потому что «ГИК» на священном языке означает «царь», а «СОС» – «пастух» и «пастухи» в просторечном языке. Если же составить их вместе получается «ГИКСОС». Некоторые говорят, что они по происхождению арабы»...»¹⁴

Большинство историков и археологов считают, что Иосиф Флавий, вероятнее всего, был прав, соотнося историю библейского Иосифа с эпохой фараонов-гиксосов.

По версии историков, протоеврейские племена «хабиру» (сами евреи называли и называют себя «иврим» – «перешедшие реку», а учитывая, что «б» и «в» во всех семитских языках это, по сути дела, одна и та же буква, а сама письменность у них является консонансной, такое графологическое и звуковое сходство не может быть случайным), кочуя по просторам Ближнего Востока, время от времени забредали в Египет, что и нашло свое отражение в предании о праотце Аврааме. Ворвавшиеся в Египет в конце XVIII – начале XVII вв. до н. э. гиксосы по происхождению тоже были семитами, и вряд ли стоит удивляться тому, что, стремясь укрепить свою власть в стране, они опирались на родственных им «хабиру», то есть евреев. Гиксосы помогли евреям осесть в земле Гесем, они назначали их на различные государственные должности. Не исключено, что один из еврейских сановников поднялся на самую вершину иерархической лестницы, стал вторым после фараона человеком в государстве, что и привело к появлению на свет истории об Иосифе Прекрасном.

¹³ В еврейском календаре, как уже говорилось, год начинается и заканчивается осенью. Таким образом, начавшись в одном году по григорианскому календарю, заканчивается в следующем, чем и объясняются некоторые кажущиеся разночтения в датировке событий по этим двум календарям.

¹⁴ Иосиф Флавий. О древности еврейского народа. Против Апиона. – В кн. Филон Александрийский. Против Флакка. О посольстве к Гаю. Иосиф Флавий. О древности еврейского народа. Против Апиона. Гешарим, М.-И-м, 1994 (5755), с. 127–128.

Однако сразу после изгнания гиксосов в XVI в. до н. э. гнев египтян обращается на их ближайших союзников-евреев, которых превращают в рабов и посылают на государственные каторжные работы, в том числе на строительство новых городов.

Достаточно сравнить еврейскую датировку событий Пятикнижия с различными версиями египетской хронологией, чтобы убедиться в том, что подобный исторический сценарий более, чем вероятен.

Окончательное изгнание гиксосов из Египта, согласно хронологии В. Андриенко¹⁵, происходит при первом фараоне 18-й династии Яхмосе (1552-1527 гг. до н. э.). Яхмос, говоря словами Библии, и в самом деле не только «не знал» Иосифа, но и не хотел его знать – для него этот еврейский премьер-министр, как и все его соплеменники, был не более, чем прислужником врагов-гиксосов. И все же Яхмос был слишком сосредоточен на защите страны от внешних врагов, чтобы заниматься живущими во внутренних областях евреями. Порабощение евреев, вероятнее всего, произошло чуть позже – в эпоху правления третьего фараона 18-й династии Тутмоса 1-ого (1506-1494 гг. до н. э.).

А вот усиление гнета евреев в Египте тогда приходится на время правления Аменхотепа 3-его (1402-1364 гг. до н. э.), развернувший в стране поистине грандиозное строительство. И строительство это, естественно, осуществлялось за счет жесточайшей эксплуатации рабов.

Правда, следует отметить, что в египетской истории, и ее хронологии все еще существует немало «белых пятен». Египтяне вообще не вели упорядоченного календаря, а с каждого нового фараона начинали отсчет нового периода. Нередко к годам его царствования они добавляли и годы, когда новый фараон был принцем-наместником одной из областей Египта, вследствие чего даты правления фараонов «наслаиваются» одна на другую. Поэтому некоторые историки соотносят все эти события с именами других фараонов, живших, по египетским хроникам, на более, чем столетие позже. Например, с именем Рамсеса II и его сына Мернептаха – последнего они и называют тем фараоном, при котором евреи вышли из Египта. Этой точки зрения придерживаются и многие христианские богословы.

В христианском богословии принято опираться на следующую хронологию важнейших событий в Египте в период пребывания там евреев:

Ок. 1580-1570 гг. до н. э. – Восстание против гиксосов и изгнание их. Яхмос I.

Ок. 1500 гг. до н. э. – Войны Тутмоса III в Сирии. Создание империи

Ок. 1380 г. до н. э. – Начало строительства Великого Храма в Луксоре.

Ок. 1370 г. до н. э. – Религиозная реформа Эхнатона.

Ок. 1314 г. до н. э. – Начало XIX династии. Рамсес II. (По еврейским источникам это и есть год выхода евреев из Египта – см. хронологическую таблицу в конце книги – П.Л.)

Ок. 1280 – Войны Рамсеса II с хеттами. (По еврейской хронологии, 1270-е гг. – это как раз период завоевания евреями Ханаана – П.Л.).

Ок. 1234 – Смерть Рамсеса II. Нашествие ливийцев и «народов моря».

«В начале XIII века, закончив войны с хеттами в Сирии, фараон Рамсес II переносит свою резиденцию в Дельту и приступает к общирным строительным работам. На месте старого Авариса гиксосов он воздвигает новый город Пи-Рамсес («Дом Рамсеса»). К работам были привлечены военнопленные и невольники, а также инородцы. На стенах гробницы Рахмире (Фивы) изображены сирийские рабочие, изготавливающие кирпич, а в одном из документов времен Рамсеса II содержится приказ раздать пищу для воинов и аперу, которые доставляют камни из большого пилона. Термин «аперу» соответствует слову «хабири». Предание Исхода (1:11) свидетельствует, что именно евреи строили города Рамсес и Пифом (егип. Пи-Тум). Следовательно Рамсес II мог быть тем фараоном, «который не знал Иосифа» и сделал Сынов Израиля

¹⁵ См. В. Андриенко. Повелители Черной страны (Все фараоны Древнего Египта).

государственными рабами (1:6-8). Призвание же Моисея произошло при его преемнике (2:23), то есть при Мернептахе», – писал о. Александр Мень в своей «Истории религии»¹⁶.

Само объяснение, для чего фараону надо было «перемудрить» евреев и поработить их, в принципе, не нуждается в мидраше о некой войне, в ходе которой египтяне вдруг осознали, насколько силен и опасен для них еврейский народ. Достаточно вспомнить, что согласно всем авторитетным научным источникам, по меньшей мере, с 2500 г. до н. э. проживающие в Синае и на берегах Иордана семитские племена то и дело совершали набеги на Египет и представляли для него немалую угрозу.

Да, египтяне оказывались сильнее и в итоге заставили семитских вождей и царьков признать себя их вассалами, однако время от времени семитские племена восставали, вырезали египетские гарнизоны в своей земле, сметали пограничные заслоны и вторгались в Египет. Понятно, что в этой ситуации у египтян были все основания опасаться, что евреи в случае очередного такого набега присоединятся к родственным им племенам, и это может обернуться самыми катастрофическими последствиями для страны. Если, конечно, египтяне вообще могли различать семитов по племенам – не исключено, что для них все они были на одно лицо и говорили на одном и том же языке, так как они вряд ли могли уловить на слух те небольшие, чисто диалектные нюансы, которыми древний иврит отличался от аморейского, моавитянского, да и арабского языков.

Однако не вызывает сомнений, что события, о которых идет речь в любом случае, происходили в период, приходящемся на конец правления 18-й и начало правления 19-й династии фараонов, а расхождения в датировках у сторонников различных версий обычно не превышают 160-170 лет. Если учесть, что речь идет о событиях давностью в 3500 лет, то это расхождение вполне укладывается в то, что принято называть «статистической ошибкой».

Правда, Имануил Великовский в своих работах «Столкновение миров» и «Века в хаосе» дает принципиально иную хронологию и трактовку этих событий – по его мнению, которое он тщательно обосновывает и с которым нам еще предстоит подробно познакомиться. Исход евреев из Египта по Великовскому произошел как раз накануне нашествия гиксосов, то есть либо он происходил намного раньше даты, указываемой еврейскими источниками – в 1650 г. до н. э.; либо – если довериться еврейской датировке событий – надо существенно пересмотреть общепринятую хронологию египетской истории. Сам Великовский считал правильными выкладки тех христианских богословов, которые относили Исход к 1454 г. до н. э. Эту же дату называет в своем «Деле об Исходе» Л. Меллер.

Немалые споры идут и вокруг того, где же именно располагались библейские Питом и Раамсес. Еврейские источники утверждают, что Питом – это Танис, древний египетский город в северо-восточной части дельты Нила. Античные авторы отождествляли его с Патумусом, располагавшимся чуть севернее нынешнего Суэцкого канала. Некоторые историки считают, что речь идет о Пер-Атуме (в переводе название этого города означает «Дом бога Атома»), находящегося возле Тьеку. При его раскопках было найдено немало амбаров, а также их изображений, а Библия, напомним, утверждает, что поработанные израильтяне строили именно «города-хранилища».

Однако большинство современных исследователей склонны считать, что библейский Питом располагался там, где сейчас находится холм Тель-эль-Маскута в районе озера Тимса. Что касается города Раамсеса, то честь его открытия приписывается археологу Пьеру Монте.

«Между 1929 и 1932 гг. в тридцати милях юго-западнее Порт-Саида Монте открыл необычайное количество статуй, сфинксов, колонн, обломков строений, и на всех на них был изображен шлем Рамсеса II. Теперь вряд ли можно было сомневаться, что это – руины Пер-

¹⁶ О. Александр Мень. История религии. В поисках пути, истины и жизни. т. 2. Магизм и Единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей.

Рамсес-Мери-Амуна, билейского города рабов Раамсеса, – пишет Вернер Келлер. – Так же, как и в Питоме, археологи обнаружили здесь остатки амбаров и складов.

Израильтяне стали в самом истинном смысле слова жертвой жажды строительства, обуревавшей Фараона. Расположение их нового местожительства способствовало их обращению в рабство. Библейский Гесем с его богатыми амбарами начинался в нескольких милях южнее новой столицы и тянулся до самого Питома. Не было ничего проще, чем принудить этих чужеземцев, живших, так сказать, на пороге великого строительства, покинуть скот и шатры и обратить их в рабство»¹⁷.

Раскопки, проведенные в этих местах, показали, что рацион работавших на строительстве Питома и Раамсеса рабов был достаточно разнообразным. В него входили не только ячменные лепешки, но и в изобилии водившаяся здесь рыба, выращивавшиеся в окрестных садах лук, маслины, фиги, гранаты, а по праздникам, возможно, рабы получали мясо и изобретенное египтянами пиво. Так что, когда евреи потом в пустыне вспоминали о том, как в Египте они сидели у «горшков с мясом», они говорили почти правду.

Остается последний вопрос: имели ли на самом деле то «избиение младенцев», о котором рассказывает Библия? Увы, однозначного ответа на него нет. Однако известно, что во время подавления восстаний в своих африканских и азиатских провинциях фараоны нередко приказывали истребить всех мужчин. Так что даже самый критически мыслящий читатель, будучи более-менее знаком с историей Древнего Египта, должен признать, что хотя издание указа об убийстве всех родившихся у рабов-евреев младенцев мужского пола является событием маловероятным, но все же возможным.

И, наконец, нет никакого сомнения, что на протяжении всего времени своего рабства (а оно, вопреки расхожему мнению, реально длилось не 400 и не 430, а менее 200 лет) потомки Иакова не переставали мечтать о свободе, о появлении в их среде военного и политического лидера, который поможет им сбросить иго египтян.

А, значит, рано или поздно такой лидер должен был появиться.

¹⁷ Вернер Келлер. Библия как история. М., Крон-пресс, с. 131.

Глава 2. Спасенный из вод

По мнению большинства исследователей Библии, загадка личности Моисея во многом кроется в тайне его рождения. На протяжении двух последних столетий целый ряд теологов, историков, психологов и мистиков пытались оспорить правдивость рассказа Пятикнижия о рождении Моисея. Вслед за уже упоминавшимся здесь с легкой руки Флавия Манефоном они обращались к версии о том, что на самом деле Моисей был по происхождению не евреем, а египтянином, еще точнее – посвященным в сокровенные тайны египетской мистики жрецом, вставшим во главе еврейских рабов и, по сути дела, и превратившим евреев в нацию.

Однако другие исследователи с не меньшей горячностью доказывали, что Моисей мог быть только евреем и приводили в пользу этой точки зрения не менее убедительные аргументы.

На страницах этой книги нам еще не раз придется сталкивать друг с другом лбами обе эти версии, а пока давайте последуем за библейским текстом и еврейскими преданиями, являющимися, как уже говорилось, по сути дела, единственными источниками об обстоятельствах рождения Моисея.

Осенью 2368 года от сотворения мира (1394 г. до н. э.), рассказывает мидраш, фараону приснился странный сон. Снилось фараону, будто он сидит на своем троне, а перед ним стоит какой-то старик и держит в руках большие весы. Вдруг старик протянул руку, схватил ею всю знать Египта и положил на одну чашу весов. Затем он извлек откуда-то ягненка и положил его на другую чашу – и ягненок перевесил.

Проснувшись, фараон велел немедленно позвать к себе советников, чтобы они истолковали ему это сновидение.

– Смысл сна ясен, – сказал великий маг и мудрец Валаам. – Ягненок – это символ еврейского народа, ведь евреи всегда были пастухами. Твой сон говорит, что угроза для Египта со стороны евреев возрастает, так что если мы не предпримем необходимые меры, то они разрушат Египет.

– Я думаю, твой первый советник прав, о божественный! – выступил вслед за Валаамом главный астролог фараона. – Звезды однозначно говорят, что недавно в земле Гесем был зачат мальчик, который принесет нашей стране неисчислимые беды. Я не могу понять, будет ли он евреем или египтянином – с этим вопросом связана какая-то загадка, но я точно знаю, что смерть к нему придет от воды.

Именно после этого, утверждает все тот же мидраш, фараон издал новый указ, согласно которому всех новорожденных мальчиков, независимо от того, родились они в египетской или еврейской семье, следовало бросать в Нил. А для того, чтобы никто из новорожденных не мог избежать этой участи, фараон велел провести перепись всех беременных женщин в стране и определить срок их беременности. Теперь Шифра и Пуа уже ничего не могли сделать – солдатам фараона была известна приблизительная дата, когда та или иная беременная еврейка должна была разрешиться от бремени, и вскоре после родов они врывались в дома и, если младенец был мальчиком, вырывали его из рук матери и бросали в воды великого Нила. Стон и плач стояли в эти дни по всему Египту, но никто не осмеливался нарушить приказ фараона.

Жена Амрама Йохевед также была внесена в эти списки и, согласно им, должна была родить ребенка весной. Но, вопреки всем расчетам, уже зимой, будучи на седьмом месяце беременности, Йохевед неожиданно почувствовала схватки, и, поспешив матери на помощь, Мирьям приняла у нее роды.

Так 7-ого числа месяца Адара 2368 года по еврейскому календарю (то есть в феврале или в марте 1393 г. до н. э.) в семье Амрама и Йохевед родился мальчик, которого родители назвали Еред-Авигдор, но которому предстояло войти в историю своего народа и человечества под именем Моисея.

Ребенок родился «обрезанным», то есть без крайней плоти¹⁸, и, разумеется, это немедленно было воспринято как знак Свыше.

Почти три месяца Йохевед удавалось скрывать сына от соглядатаев фараона, но с каждым днем пребывание младенца в родительском доме становилось все более опасным для его жизни. В любой момент в дом могли нагрянуть солдаты и спросить, где ребенок, которого должна была на днях родить Йохевед?

И тогда у женщины родился хитроумный план, как спасти – или хотя бы попытаться спасти – сына.

Зная, что дочь фараона каждый день окунается в Нил в надежде, что воды этой священной для египтян реки помогут ей излечиться от проказы, Йохевед взяла корзинку из тростника, обмазала ее красной глиной, соорудила над ней небольшой балдахин, и, положив младенца в корзину, осторожно опустила ее в воду – в заросли росшего на берегу Нила камыша, в нескольких метрах от того места, где обычно купалась принцесса. При этом Йохевед наказала Мирьям спрятаться неподалеку и пристально следить за корзиной, чтобы ее не унесло течением. И в тот же момент, говорит мидраш, главный астролог фараона поспешил к своему повелителю, чтобы сообщить радостную весть: звезды поведали ему, что потенциальный спаситель евреев только что был брошен в Нил, где, вероятнее всего, и найдет свою гибель.

Между тем, расчет Йохевед оказался верным. Утром, как обычно, дочь фараона появилась на берегу реки в сопровождении служанок. Услышав доносящийся из зарослей камыша плач проголодавшегося ребенка, принцесса велела своим служанкам отправиться туда и принести его. Служанки поспешили выполнить этот приказ. Спустившись в воду, они отправились в камышовые заросли, но вскоре вернулись оттуда с пустыми руками.

– О, госпожа! – сказали они. – Он обрезан. Это – еврейский ребенок! Его нельзя спасать – ведь это означает нарушить указ фараона!

Принцесса задумалась, но в это время из камышей снова послышался жалобный, словно молящий о помощи плач младенца, и сердце ее дрогнуло. Она сама направилась в камыши и вытащила из них корзинку. В тот самый момент, когда принцесса коснулась рукой корзинки, гласит еврейское предание, произошло чудо – она полностью излечилась от проказы, и все нанесенные ею этой болезнью чудовищные повреждения исчезли. Так что когда она вернулась к своим служанкам те поначалу ее не узнали – вместо уродливой прокаженной перед ними стояла писаная красавица.

Иосиф Флавий в своих «Иудейских древностях» утверждает, что дочь фараона звали Фермуфис, однако в еврейскую историю она вошла как Батья, что в переводе означает «дочь Бога». Все те же еврейские предания утверждают, что Батья дожила до глубокой старости, приняла иудаизм и вместе с возглавляемыми Моисеем евреями вышла из Египта¹⁹.

Едва увидев отличавшегося необычайной красотой еврейского младенца, Фермуфис-Батья мгновенно привязалась к нему и решила сделать своим приемным сыном – тем более, что своих детей у нее не было. Она же дала ему имя Мосе, звучание которого на различных языках варьируется. На еврейском оно произносится как Моше²⁰, на английском это имя звучит как Мозес, на арабском – как Муса, на русском – Моисей.

¹⁸ Случаи рождения младенцев без крайней плоти, точнее, с недоразвитой крайней плотью на половом органе хорошо известны медицине и встречаются у всех народов. Однако так как иудаизм предписывает обрезать всех младенцев мужского пола на 7-й день после рождения, то появление младенца, не нуждающегося в подобной операции, и сегодня воспринимается у евреев, как особый знак благоволения Бога к этому ребенку.

¹⁹ Последние расшифровки памятников египетской письменности показывают, что в гареме фараона, наряду с женами из числа других покоренных народов, были и женщины-еврейки («хабиру»). Одна из них, предполагают историки, могла усыновить еврейского подкидыша, вырастить его при дворце, и такой юноша в глазах своих соплеменников, естественно, был «египетским принцем», а одна из жен фараона в сознании народа вполне могла трансформироваться в его дочь.

²⁰ Звуки «с» и «ш» обозначаются в иврите одной буквой, форма которой была заимствована из него Кириллом и Мефодием для русской буквы «ш».

Некоторые исследователи утверждают, что это имя имеет еврейское происхождение, являясь производным от еврейского глагола «лямшо» – тянуть, вытаскивать. Еврейское происхождение этого имени, говорят они, вполне логично: с одной стороны Моисей был сам вытащен из воды, а с другой – он как бы вытащил, вытянул евреев из-под ига рабства.

Однако все тот же Флавий настаивает, что будущий вождь еврейского народа носил египетское имя, означавшее «спасенный из воды»: «мо» на египетском языке означало «вода», а «усес» – «спасенный». По мнению же библеистов, этимология имени Моше-Мосе объясняется куда проще: «мос» на египетском означало «сын», и это слово входило в качестве составляющего во многие имена фараонов и их приближенных: ЯхМОС, ТутМОС, РаМСес, ПтахМОС и т. д. В тексте Пятикнижия также подчеркивается, что имя Моисей было дано ребенку дочерью фараона и имеет египетское происхождение.

Но мы отвлеклись, а тем временем спасенный Фермуфис младенец продолжал отчаянно плакать и требовать есть. Принцесса велела привести кормилицу, но мальчик наотрез отказался взять у нее грудь. То же произошло со второй кормилицей, и с третьей, и с четвертой, и тогда на берегу Нила как бы случайно появилась Мирьям.

– Напрасно, царевна, ты вызываешь всех этих женщин: если это еврейский ребенок, то он возьмет грудь только у еврейки! – сказала Мирьям.

«И сказала сестра младенца дочери фараона: «Не сходить ли мне позвать еврейскую женщину, чтобы выкормить тебе младенца?». И ответила дочь фараона: «Иди!». Пошла девочка и позвала мать младенца. Дочь фараона сказала ей: «Возьми младенца и выкорми, а я за это тебе заплачу».

И взяла женщина младенца и выкормила его. И вырос ребенок, привела она его к дочери фараона. И стал он ей сыном, и назвала она его именем Моше и сказала: «Потому что из воды я вытащила его»...» (Исх., 2:7-11).

Так и случилось, что до двух лет Моисей спокойно рос в собственном доме на руках своей матери, да еще и под покровительством принцессы Египта. Язык его матери – иврит – стал его родным языком, а Йохевед сделала все, чтобы привить сыну мысль, что он принадлежит к еврейскому народу, и если небесам было угодно спасти его от смерти, то только потому, что на него возложена некая миссия, которую он должен будет исполнить, когда придет время.

Сам факт, что Моисей был вскормлен именно молоком еврейской матери, имеет с точки зрения еврейского фольклора огромное значение: ведь согласно еврейской мистике молоко матери обладает, помимо всего прочего, особой эманацией, оказывающей решающее влияние на формирование личности человека. Не случайно Пятикнижие подчеркивает, что праматерь еврейского народа Сара, родившая Исаака в девяносто лет, сама кормила его грудью.

Впрочем, подобный взгляд на чудодейственные свойства материнского молока существует у многих народов – достаточно вспомнить расхожее русское выражение «впитал с молоком матери».

* * *

Почти все исследователи и популяризаторы Библии обращают внимание на поразительное сходство рассказа Пятикнижия о рождении Моисея с аналогичными легендами о рождении царей и вождей у многих других народов Европы и Азии.

Самой древней из них является, пожалуй, легенда о рождении аккадского царя Саргона, правившего около 2600 (по другим данным – 2350) г. до н. э. Согласно надписи, высеченной на его статуе, мать Саргона зачала его от неизвестного мужчины и, чтобы сохранить его рождение в тайне, положила младенца в осмоленную тростниковую корзинку и пустила ее вниз по реке. Эту корзинку нашел «Акки-ороситель» (по всей видимости, управляющий отводными

каналами – П.Л.). Акки вырастил Саргона и сделал его садовником, а затем юношу полюбила богиня Иштар и помогла ему взойти на царство.

Тот же сюжет лежит в основе пересказываемой Плутархом значительно более поздней легенде об основателе Рима Ромуле. Согласно этой легенде, младший сын царя города Альба-Лонги Амилиус отобрал трон у своего старшего брата, а затем, чтобы лишить его мужского потомства, убил своего племянника, а его дочь Рею Сильвию обрек на безбрачие, сделав ее жрицей богиней Весты. Когда же Рея Сильвия все-таки забеременела от самого Бога Марса и родила близнецов Ромула и Рема, Амикус велел бросить обоих мальчиков в реку. Однако случилось так, что Тибр вышел из берегов, и слуги, которым было поручено утопить детей, оставили корзину с близнецами на отмели у подножия Палатинского холма. Здесь их и нашла волчица, привлеченная их плачем.

Дж. Фрезер в своей книге «Фольклор в Ветхом Завете» приводит еще несколько подобных легенд, в том числе, рассказанную в «Махабхарате» историю, как принцесса Кунти родила сына от бога солнца. Стыдясь своего греха, уложила дитя в корзинку и со слезами на глазах пустила его в воды реки Асва, которые вынесли корзину в Ганг. Здесь его нашли супруги из племени сута, которые его и вырастили, но при этом царственная мать продолжала следить за судьбой своего сына.

Фрезер отмечает, что если еще можно предположить, что древние евреи были хорошо знакомы с мифом о рождении Саргона и попросту переделали его на новый лад, то трудно допустить, что шумеры или евреи были знакомы «Махабхаратой», или что авторы последней были знакомы с семитской мифологией. Все эти легенды, по мысли Фрезера, возникли независимо друг от друга и были плодом народной фантазией, подчас рождающей у различных, отделенных друг от друга тысячами километров племен совершенно аналогичные сюжеты.²¹

З. Фрейд в своем цикле очерков «Этот человек Моисей», по сути дела, не только поддержал эту мысль Фрезера, но и высказал предположение, что сам этот сюжет вновь и вновь появляется у разных народов именно потому, что имеет глубокую общечеловеческую основу, уходящую в подсознание человека: спасительные воды реки олицетворяют собой материнскую утробу, угрожающая младенцу опасность – страх перед отцом и т. д.

Фрезер же, понимая всю шаткость выдвинутой им теории случайных совпадений, в поисках исторических корней этого мифа обращается к древнему обычаю испытания водой.

«Существует мнение, – пишет он, – что в преданиях, подобных рассказу о младенце Моисее, брошенном в воду, мы имеем пережиток древнего обычая, когда для испытания законнорожденности ребенка его бросали в воду на волю судьбы. Если ребенок всплывал, его признавали законнорожденным; потонувший же объявлялся незаконным. В свете такого предположения может показаться знаменательным тот факт, что во многих из этих легенд рождение ребенка объясняется сверхъестественными причинами, причем некоторые циники склонны усматривать в них деликатный синоним незаконнорожденности...»²²

Правда, Фрезер тут же признает, что данное объяснение явно не подходит к истории о рождении Моисея, и все же пытается втиснуть его в эти рамки:

«Библейское предание не дает никаких оснований предполагать существование каких-либо сомнений в законнорожденности Моисея: но если мы вспомним, что его отец Амрам женился на своей тетке по отцу; что Моисей был отпрыском этого брака и что впоследствии еврейский закон стал признавать такие браки кровосмесительными, то мы, может быть, вправе предположить, что мать Моисея, бросая его в воду, имела для этого причины более личного характера, чем общий приказ фараона, относившийся ко всем детям мужского пола...»²³

²¹ См. Дж. Фрезер. Фольклор в Ветхом Завете. М., Изд-во политической литературы, 1985, с. 291–297.

²² См. Дж. Фрезер. Фольклор в Ветхом Завете. М., Изд-во политической литературы, 1985, с. 296.

²³ Там же, с. 297.

И все же объективный исследователь должен признать, что история рождения Моисея явно не укладывается в прокрустово ложе аккадского, египетского да и всех прочих аналогичных мифов. Более того – она является своеобразным антитезисом этих произведений фольклора. Вспомним, что суть мифа заключается в том, что будущий герой или вождь обладает царским или божественным происхождением. Будучи брошенным в корзине в реку, он попадает в семью простолюдинов, но, став взрослым, узнает о тайне своего рождения, возвращается в царский дворец, чтобы предъявить там свои законные права на престол. В таком ходе событий есть своя «фольклорная» логика.

Однако ведь в истории Моисея все происходит в точности наоборот. Родившийся ребенок «не бог, не царь и не герой» – оба его родителя хорошо известны и принадлежат к угнетаемому и преследуемому народу. И появляется он на свет вполне естественным путем, без всякого вмешательства высших сил.

Благодаря же своему чудесному спасению, младенец оказывается в царском дворце, его усыновляет принцесса и, следовательно, он с раннего детства оказывается причастен к жизни знати, перед ним открываются самые широкие возможности, вплоть до того, что при определенном стечении обстоятельств он может взойти на трон фараона. Однако вместо этого Моисей предпочитает вернуться к своему народу и разделить с ним его судьбу.

Здесь уже, согласитесь, вроде бы нет никакой логики, но зато, как ни странно, история еврейского да и многих других народов знает немало случаев, когда тот или иной человек, узнав, что на самом деле он принадлежит не к тому народу, среди которого вырос, решал вернуться к своим сородичам, их религии и обычаям – даже если это было сопряжено с опасностью для его жизни, а порой и именно потому, что это было сопряжено с опасностью для жизни. Такой поступок можно объяснить и как изначально присущей человеку иррациональной тягой к своим подлинным национальным корням, так и врожденным благородством души, нежеланием и неспособностью наслаждаться всеми благами жизни, когда его братья по крови терпят лишения и страдания.

И последующая история жизни Моисея если и не подтверждает окончательно правдивости рассказа Пятикнижия о его рождении, то, по меньшей мере, свидетельствует о его удивительных человеческих качествах, делающих его (особенно с учетом той эпохи, в которой он жил) поистине выдающейся личностью.

* * *

Мидраш рассказывает, что когда Моисей в два (согласно другому преданию – в три) года был возвращен Йохевед во дворец дочери фараона, мальчик чрезвычайно полюбился не только Фермуфис, но и самому фараону, видимо не особенно задумывавшемуся о происхождении приемного сына своей дочери. Всемогущий владыка Египта часто играл с маленьким Моисеем, и в один из дней, когда Фермуфис с сыном гостил во дворце отца и произошла история, которая запомнилась многим египетским вельможам.

Один раз, продолжает мидраш, играя с трехлетним малышом, фараон сам надел на него свою диадему, но маленький Моисей немедленно стянул ее с головы и швырнул на пол. По другому мидрашу, мальчик схватил лежавшую на столике корону фараона и надел ее себе на голову. Но дальше оба предания совпадают: поступок ребенка вывел из себя фараона, да и его первым советником Валаамом он был истолкован как недобрый знак.

– Необходимо умертвить этого ребенка, ибо Небо однозначно дало нам знать, что в будущем он может представлять угрозу короне! – категорично заявил Валаам.

– О божественный, – вмешался в этот момент другой советник фараона жрец Иофор, – неужели ты велишь казнить любимца своей дочери за проступок, который он совершил по детскому недомыслию?

– Это было больше, чем недомыслие – это было знамение! – продолжал настаивать на своем Валаам.

И тогда Иофор предложил провести простое испытание, чтобы проверить бросил ли маленький Моисей корону на пол умышленно, или речь идет о ребенке, который пока не ведаёт, что творит и не может отвечать за свои поступки. По указанию Иофора перед мальчиком поставили два глиняных горшочка – один со сладостями (согласно другому преданию – с драгоценностями), а второй – с раскаленными углями.

Моисей потянулся было к сладостям, но тут посланный Богом архангел Гавриил отвел его руку, заставил взять уголек и положить в рот. Разумеется, маленький Моисей тут же взвыл от боли и выплюнул уголек, а Иофор торжествующе посмотрел на столпившихся вокруг придворных.

– Теперь вы видите, – произнес он, – что хотели спросить с мальчика слишком много.

В тот день Моисей спасся от смерти, однако до конца своих дней он так и остался косноязычен – ожог оставил страшные шрамы на его языке и небе, и потому произнесение самых обычных слов давалось ему с огромным трудом.

К сожалению, еврейские источники крайне скупко рассказывают о детстве и юности Моисея, и все эти рассказы можно свести к тому, что Фермуфис-Батья постаралась дать своему сыну самое лучшее образование. Вероятнее всего, Моисей учился в Гелиополисе, который в Древнем Египте являлся университетским городом, чем-то вроде английского Кембриджа. Здесь Моисей изучал не только математику, астрономию и египетскую литературу, но и так называемые тайные науки – астрологию и магию, дававшие, по убеждению жрецов, ключи к управлению мирозданием.

Вместе с тем, утверждают те же источники, Фермуфис-Батья разрешала Моисею время от времени навещать своих приемных родителей, и потому он никогда не забывал, что является евреем и не раз в годы своего детства и отрочества, имел возможность видеть, как египтяне издеваются над его соплеменниками.

Французский теолог и мистик Эдуард Шюре в своей книге «Великие посвященные» рисует несколько иную картину этого периода жизни Моисея. При этом он отталкивается от все уже упоминавшегося нами труда египетского историка Манефона, утверждавшего, что Моисей был не приемным, а родным сыном дочери фараона, при рождении был назван Хозарсифом и посвящен Озирису, то есть ему предназначено было стать жрецом этого бога.

Следуя общепринятому в конце XIX- начале XX вв. мнению, Шюре относит наибольшие тяготы египетского рабства к эпохе Рамсеса Второго, а сам исход евреев из Египта – соответственно к годам правления его сына фараона Мернепта. Таким образом, у Шюре Моисей-Хозарсиф оказывается внуком Рамсеса и племянником Мернепта. Стоит отметить, что сочинение Манефона дошло до нас в отрывках, а Шюре известен как весьма тенденциозный автор, нередко склонный к спекуляциям. И все же некоторые отрывки его очерка о Моисее заслуживают того, чтобы быть процитированными – хотя бы потому, что представляют собой несколько отличный от еврейского взгляд на биографию этого великого пророка.

«Хозарсиф был небольшого роста²⁴, вид у него был смиренный и задумчивый; отличительной чертой его наружности был широкий лоб и черные пронизывающие глаза с глубоким и пристальным выражением, вызывающем тревогу. Его прозвали «молчальником», до того он был сосредоточен и так редко он говорил. Разговаривая, он часто заикался, как бы подыскивая слова и как бы боясь выразить свою мысль. Он казался застенчивым, но время от времени, подобно вспышке молнии, великая идея вырывалась у него, оставляя после себя сверкающий след...

²⁴ Согласно еврейским источникам, Моисей, наоборот, выделялся среди евреев своим высоким ростом.

...Однажды мать Хозарсифа встретила своего сына в Серапиуме Мемфиса, огромной площади, усеянной обелисками, мавзолеями, большими и малыми храмами, триумфальными пилонами – нечто вроде огромного музея национальной славы под открытым небом, вход в который пролегал по аллее из шестисот сфинксов. Увидев свою царственную мать, жрец склонился до земли и ждал по обычаю, чтобы она первая заговорила с ним.

– Настало для тебя время проникнуть в мистерии Изиды и Озириса, – сказала она. – В течение долгого времени я не увижу тебя, мой сын. Но не забывай никогда, что в тебе – кровь фараонов, и что я – твоя мать... Если ты захочешь, со временем все это будет принадлежать тебе.

Говоря это, она указала на окружающие обелиски, дворцы и весь видимый горизонт.

Улыбка презрения скользнула по лицу Хозарсифа, в обыкновенное время неподвижному, как лик, вылитый из бронзы.

– Ты хочешь, – сказал он, – чтобы я властвовал над этим народом, поклоняющимся богам с головою шакала, ибиса и гиены? От всех этих идолов что сохранится через несколько веков?!

И Хозарсиф, наклонившись, поднял пригоршню песка. И пропуская его между тонкими пальцами перед своей удивленной матерью, сказал «вот что останется от них»...»²⁵

Отставим пока в сторону вопрос о том, кем был Моисей по происхождению – евреем или египтянином. Чрезвычайно показательно то, что и в египетской, и в еврейской версии уже в юности он предстает человеком, не верящим в языческие культы Египта, презирающим их и исповедующим идею Единого Бога.

Шюре был убежден, что Моисей вынес эту идею из тайных книг египетских жрецов, содержащих самые сокровенные их знания, в том числе и знание о том, что все миром правит только один Бог, а также укрепился в ней в результате долгих размышлений. Многие историки, а вслед за ними и З. Фрейд видят в Моисее египетского жреца или знатного вельможу, который стал исповедовать монотеизм вслед за фараоном-еретиком Эхнатом. Однако еврейские предания опять-таки дают самое простое объяснение того, почему Моисей изначально был монотеистом: он впитал знание о Едином Боге в доме своей матери, в котором рос до двух лет и в котором часто бывал в детские и юношеские годы. Восприняв еврейские представления о Боге как о Творце неба и земли, не имеющего образа, доступного восприятию и воображению человека, Моисей уже не мог относиться к религии египтян иначе, чем с иронией – как к наивным детским сказкам. Во всяком случае, когда Бог явится ему из неопалимой купины представится как «Всесильный Бог отца твоего, Всесильный Бог Авраама, Всесильный Бог Исаака и Всесильный Бог Иакова», Моисей будет точно знать, с Кем он имеет дело.

В еврейских устных преданиях после скандального происшествия с диадемой фараона мы вновь встречаем Моисея уже семнадцатилетним статным и необычайно высоким юношей. Мидраш утверждает, что Моисей был настолько высок ростом, что когда он стоял рядом с тронном фараона, последний казался карликом. Правда, комментаторы тут же спешат добавить, что в данном случае речь идет о духовной, а не о физической разнице в росте. Однако, как мы потом увидим, сами события жизни Моисея невольно свидетельствуют о том, что он был хорошо сложен, значительно выше среднего роста людей своего времени (следует учесть, что человек ростом в 1.75 м уже был для египтян и евреев той эпохи очень высоким, а ростом выше 1.85 м казался им едва ли не гигантом²⁶) и отличался необычайной физической силой.

При этом в свои семнадцать лет Моисей предстает важным вельможей, играющим весьма значительную роль при дворе фараона. Это выглядит тем более обоснованно, что в Древнем Египте, по меньшей мере, в период Древнего Царства, дочь фараона занимала в дворцовой

²⁵ Эдуард Шюре. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. Репринтное воспроизведение издания 1914 г., СП «Книга-Принтшоп», 1990, с. 137–139.

²⁶ Средний рост мужчин в Древнем Египте, по данным антропологов, составлял 165 см, женщин – 155 см.

иерархии даже более высокое положение, чем его сын. Наследование трона у египтян и, как мы увидим ниже, у древних кушитов, то есть у эфиопов, велось по т. н. матрилинеальному принципу: наследником, как правило, становился, не сын фараона, а зять – муж его дочери. Соответственно, приемный или родной сын дочери фараона был принцем в самом прямом смысле этого слова²⁷.

Однако, вне сомнения, высокому положению Моисея при дворе способствовали и его рано проявившиеся выдающиеся способности в самых различных областях. Несмотря на его юный возраст, фараон поручает Моисею возглавить армию, призванную отбить нашествие на Египет африканских племен – и тот блестяще справляется с порученным ему заданием, обойдя противника с тыла и нанеся ему сокрушительный удар.

В качестве хитроумного царедворца он искусно расправляется со своими недоброжелателями из ближайшего окружения фараона и, наконец, бросает вызов самому первому советнику фараона, страстному ненавистнику евреев и своему давнему личному врагу Валааму. Когда до Валаама дошло, что приемный сын принцессы убедил фараона казнить его, он бежал в страну, которую древние египтяне, а вслед за ними и евреи называли Куш и которая, по мнению большинства историков, располагалась на территории нынешней Эфиопии.

Валаам, повествует мидраш, далее, явился в Куш в тот момент, когда царь этой страны Кукинос вместе со своей армией находился в очередном военном походе. Воспользовавшись этим обстоятельством, Валаам вступил в сговор с кушитскими жрецами и узурпировал трон Кукиноса.

Тем временем фараон назначил Моисея наместником сразу нескольких провинций страны, включая и провинцию Гесем. И юный царедворец тут же поспешил использовать это назначение для того, чтобы хоть как-то облегчить участь своих братьев-евреев. Явившись на прием к фараону, Моисей заявил, что придумал, каким образом увеличить производительность труда еврейских рабов.

– Они будут трудиться куда лучше, если дать им один день отдыха в неделю, – так, если верить сказаниям, начал свою речь юный Моисей, и в итоге убедил владыку Египта согласиться с его предложением. Сразу после этого он объявил, что отныне евреи будут отдыхать каждую субботу, и вряд ли нужно говорить о том, с каким ликованием встретили эту весть потомки Авраама, Исаака и Иакова. В возвращении им завещанного праотцами субботнего отдыха они увидели приближение времени полного освобождения от рабства.

Изо дня в день Моисей объезжал вверенную ему провинцию Гесем и, стиснув зубы, смотрел на страдания своего народа. В один из таких дней, в легкой колеснице, без всякой свиты восемнадцатилетний наместник направлялся к дому своих родителей Амрама и Йохевед, как вдруг дорогу ему перебежал окровавленный еврей, за которым гнался надсмотрщик-египтянин. Пробежав еще несколько метров, еврей упал, и подоспевший надсмотрщик начал добивать его бичом.

Зрелище избиваемого бичом лежащего на земле беззащитного еврея заставило Моисея вздрогнуть – он вдруг и, возможно, далеко не в первый раз понял, что сложись его судьба чуть по-другому, и он вполне мог бы оказаться на месте этого еврея. И вслед за острым чувством жалости, его захлестнул гнев.

– Именем фараона! – крикнул Моисей, спрыгивая с колесницы. – Именем фараона приказываю тебе остановиться.

Египтянин оглянулся. Но увидев перед собой одинокого юнца без всяких знаков власти, только усмехнулся и продолжил избивание. И тогда Моисей выхватил бич и одним ударом переломил надсмотрщику позвоночник – такая картина невольно возникает у читателя, пробегающего глазами по страницам Пятикнижия.

²⁷ См. Акад. В.В. Струве. История Древнего Востока. ОГИЗ, Госполитиздат. М., 1941, с 175.

Однако, если внимательно вчитаться в текст, то легко заметить, что Моисей отнюдь не совершил это убийство в приступе слепой ярости – нет, картина произошедшего явно была несколько иной.

«И посмотрел он туда и сюда, и увидел, что нет никого, и поразил египтянина и скрыл труп его в песке» (Исх. 2:12), – говорится в тексте, и из него следует, что Моисей перед тем, как совершить свое преступление, по меньшей мере, посмотрел по сторонам. Лишь убедившись, что его никто не видит, он убил надсмотрщика и затем поспешил скрыть следы своего преступления, то в момент убийства он, судя по всему, вполне владел собой.

Однако великий комментатор Библии Раши считал, что слова «посмотрел он туда и сюда» следует понимать, как «в начале Моисей выслушал как ту, и другую сторону», то есть, остановил избиение и, пользуясь своим высоким положением (и недюжинной силой) произвел суд. Из рассказа избиваемого еврея выяснилось, что его зовут Датан, и этому египетскому надсмотрщику приглянулась его жена красавица Шеломит (в русской традиции это имя обычно записывается как Суламифь). Чтобы овладеть ею, надсмотрщик направил Датана на ночные работы, а сам под видом ее мужа ночью, в крошечной темноте вошел к Шеломит. Когда же Датан узнал об этом и попытался высказать свои претензии, надсмотрщик стал его всячески преследовать.

Выслушав этот рассказ и получив от египтянина подтверждение его правдивости, Моисей решил, что тот заслуживает смерти за прелюбодеяние и тут же привел свой приговор в исполнение. В пользу этой версии Раши говорят последующие события:

«Вышел он на другой день, и вот два еврея ссорятся, и сказал он нечестивцу: «Зачем тебе бить ближнего своего?». И ответил тот: «Кто поставил тебя начальником и судьей над нами? Или ты помышляешь убить меня, как ты убил египтянина?!» Устрашился Моше и сказал: «Так, это стало известно!» И услышал об этом фараон, и хотел убить Моше, но Моше убежал от фараона, и задержался в стране Мидьян...» (Исх., 2:13-15).

Итак, в ту минуту, когда Моисей убил египтянина, Датан не знал, каким образом отблагодарить его за свое чудесное спасение. Однако на следующий день, когда он все еще гостил у своей матери Йохевед, Моисей увидел, как тот же Датан ссорится со своим шурином Авирамом. Датан хотел после случившегося развестись со своей женой Шеломит, а ее брат решительно против этого возражал. И когда в какой-то момент мужской разговор между ними вот-вот был готов перейти в драку, Моисей решил остановить спорящих. Тут-то Датан и Авирам сказали ему «Кто поставил тебя начальником и судьей над нами?», то есть с издевкой спросили Моисея, не собирается ли он и над ними свершить такой же самосуд, какой он свершил над надсмотрщиком, считая, что ему позволено абсолютно все?

С этой минуты Моисей начинает осознавать всю опасность ситуации, в которой он оказался. Согласно законам Египта, убийство государственного служащего считалось одним из самых тяжких преступлений, и за него полагалась смерть. Конечно, приемная мать Моисея заступилась бы за своего любимца, но во дворце фараона у него было немало недоброжелателей, которые наверняка стали бы настаивать на том, что закон должен быть один для всех.

Если поначалу Моисей еще рассчитывал, что убийство им египтянина удастся сохранить в тайне, то теперь ему стало ясно, что Датан уже разболтал о случившемся, и евреи, если и не донесут на него, то разнесут сплетни об этом происшествии по всему Гесему. А значит, рано или поздно слухи об убийстве надсмотрщика достигнут дворца фараона...

Так все и оказалось.

Согласно одному из мидрашей, на Моисея фараону донесли все те же Датан и Авирам, однако не исключено, что о совершенном Моисеем убийстве доложили в столицу египетские надсмотрщики. Как бы то ни было, известие о случившемся привело фараона в ярость, и он велел немедленно схватить и казнить Моисея.

Иосиф Флавий, который, как уже говорилось, опирался при написании «Иудейских древностей» на семейные предания своего рода священников-коэнов, в этом своем труде вообще

не упоминает об убийстве египетского надсмотрщика и утверждает, что Моисей вынужден был бежать из Египта потому, что был заподозрен фараоном в заговоре с целью дворцового переворота. Обратим внимание, что эта версия в целом вписывается в версию Шюре, утверждающего, что дочь фараона, будучи родной матерью Моисея, втайне надеялась, что после смерти отца его трон унаследует именно ее сын, а не брат.

Как бы то ни было, в тот самый день, когда фараон издал указ об аресте Моисея, тот бежал из Египта на колеснице. Причем бежал не на восток, в Мадиям (Мидьян), как это вроде бы следует из текста Библии, а на юг – в Куш, где его ждали поистине захватывающие приключения.

Глава 3. Моисей – царь Куша

Скажем сразу: единственным источником, согласно которому Моисей с момента своего бегства и до 67 лет жил в Куше, являются все те же мидраши – устные еврейские предания. Флавий сообщает, что после того, как Моисей, встав во главе египетской армии, отбил нашествие эфиопов и покорил эту страну, он женился на дочери эфиопского царя Фарбис²⁸. Значительная часть историков, как уже было сказано, считает, что под Кушем древние евреи понимали именно современную Эфиопию, но в любом случае версия Флавия отличается от версии мидраша.

Но значит ли это, что мы имеем дело с совершенно безосновательной легендой? Отнюдь. Во-первых, трудно понять, с какой стати евреям вообще понадобилось придумывать историю о бегстве Моисея в Куш, если эти события никогда не происходили на самом деле? Неужели только для того, чтобы объяснить, почему позже, в пустыне, брат и сестра Моисея попрекали его женой-кушиткой, то есть негритянкой?!

С другой стороны, бегство от гнева фараона именно в сильный и независимый Куш выглядит куда более логичным, чем в бегство в Мидьян. Хотя бы потому, что Мадиям в те дни был вассальной территорией Египта и вздумай Моисей укрыться в этой стране, фараону было бы совсем нетрудно добиться его выдачи. А вот Куш, наоборот, почти постоянно находился в состоянии войны с Египтом, а значит, представлял собой вполне надежное убежище для беглеца из этой страны.

Мидраш утверждает, что Моисей прибыл в Куш в те самые дни, когда царь этой страны Кукинос вернулся из дальнего похода и обнаружил, что власть в его столице захватила жреческая клика во главе с Валаамом, и заговорщики отнюдь не собираются открывать ему ворота города. Более того – они учли, что царь попытается штурмом овладеть городом и потому тщательно его укрепили.

Несколько раз бросал Кукинос свою армию на приступ, но каждый раз мятежники заставляли откатываться ее назад. Юный Моисей, вступивший в ряды армии Куша, также принял участие в этих попытках взять город, и на высокого, храброго, отличающегося недюжинной силой воина мгновенно обратили внимание. Царь вызвал его к себе в шатер и, узнав, что тот является приемным сыном египетской принцессы и сведущ в военном деле, оставил его в своей свите. Вскоре Моисей уже принимал участие в военных советах, проходивших в шатре Кукиноса.

Задача, которую нужно было решить царю для возвращения власти, была не из легких.

С двух сторон город окружали ровные, высокие стены, взобраться на которые было невозможно – это показали предыдущие попытки штурма.

С третьей стороны город окружал широкий водяной ров. Кукинос уже пробовал посадить несколько отрядов своих воинов на плоты, с тем, чтобы они преодолели ров, однако защитники встретили их градом стрел, и все бывшие на плотях воины погибли.

С четвертой стороны перед стеной города тянулась пустынная местность, кишевшая ядовитыми змеями. Кукинос пытался прорваться в свою столицу и с этой стороны, однако после того, как от змеиных укусов погибло сто семьдесят (мидраш называет именно эту конкретную цифру, что опять-таки наводит на мысль, что в основе его рассказа лежат некие подлинные события – П.Л.) его воинов, решил отказаться от этой идеи.

Однако Моисей после долгих раздумий пришел к выводу, что брать город нужно именно со стороны пустыни, так как именно оттуда Валаам и его клика меньше всего ждут удара. Вскоре он уже стоял перед царем, излагая ему свой план. По замыслу Моисея, справиться со

²⁸ См. Иосиф Флавий. Иудейские древности. Пер. с греч. Г.Г.Генкеля, М., Крон-пресс, 1996, с. 83–84.

змеями можно было с помощью ибисов и аистов – птиц, которые не только не боятся этих тварей, но и охотно употребляют их в пищу.

Получив от царя Кукиноса разрешение действовать так, как он считает нужным, Моисей велел поймать как можно больше водившихся в изобилии в округе аистов и ибисов и запретил их кормить чем-либо в течение двух дней.

На третий день Моисей приказал каждому воину взять в одну руку меч, а в другую – птицу, и повел армию Куша в обход города. Когда солдаты приблизились к «змеиному полю», Моисей приказал отпустить птиц. Голодные пернатые набросились на змей, уничтожили их, и армия беспрепятственно двинулась дальше и ворвалась в город. Всего за несколько часов сопротивление мятежников было сломлено, Кукинос вернулся в свой дворец, и если о чем-то жалел, так это о том, что так и не сумел взять в плен и казнить Валаама – тот вместе с сыновьями успел бежать из города.²⁹

Моисей, ставший всеобщим любимцем в армии Кукиноса, был назначен царем ее главным командующим. При этом юная дочь царя без памяти влюбилась в нового военачальника и стала умолять отца выдать ее за него замуж. Разумеется, когда Кукинос предложил Моисею стать его зятем, тот не решился отказаться, хотя и не испытывал к своей невесте никаких чувств. Но зато после свадьбы он и не подумал вступить в свои супружеские права – уже в первую брачную ночь принцессе, глотая слезы, пришлось спать одной...

Далее мидраш сообщает, что в 2395 году по еврейскому летосчислению (1366 г. до н. э.) Кукинос скончался, и двадцатисемилетний Моисей стал царем Куша. Ровно сорок лет он правил этим могущественным африканским государством, проявив себя за эти годы как мудрый и справедливый царь. И все это время царица Куша надеялась, что ее красота и преданность в конце концов сломят Моисея, и он простит ей навязанный ему брак. Но время шло, она старела, а ее муж и не думал о том, что стране нужен законный наследник или, еще лучше, наследница³⁰ престола. Наконец, настал день, когда царица велела собрать во дворце представителей всех сословий и на этом народном собрании объявила, что ее муж не спит с ней и богам Куша не служит.

После того, как Фарбис произнесла эти слова, во дворце повисло тяжелое молчание. Продолжение царского рода считалось в Куше священной обязанностью царя, за уклонение от которой полагалось не только низложение с престола, но и смертная казнь. Но народное собрание Куша не захотело платить Моисею черной неблагодарностью за все то добро, которое он сделал за годы своего царствования для страны. В итоге, после бурных споров, оно решило приговорить Моисея к изгнанию из страны.

²⁹ Флавий утверждает, что на самом деле история с ибисами имела место, когда фараон поручил Моисею отбить нашествие эфиопов – с помощью этих птиц Моисей провел свою армию через пустыню и нанес эфиопам удар с той стороны, откуда они его совсем не ждали. В ту эпоху войны между Египтом и Эфиопией были достаточно частыми, что подтверждают многие исторические документы и археологические артефакты.

³⁰ Как уже говорилось, у египтян и кушитов был распространен матрилинеальный принцип наследования престола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.